

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'1:801.7

DOI: 10.26456/vtfilol/2025.1.073

ПОСТХРИСТИАНСТВО И ДРУГИЕ НЕОЛОГИЗМЫ НА ПОСТ- КАК ЛИНГВОМЕНТАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ: УГАСАНИЕ КУЛЬТУРЫ ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ?

В. В. Волков, Н. В. Волкова, И. В. Гладилина

Тверской государственный университет, г. Тверь

В ряде русских образований с приставкой *пост-* просматривается неявная манипулятивная установка на формирование семантической сферы, основывающейся на морфосемах 'через / сквозь' и 'после', которые далее трансформируются в представление о наличии пространства вне связи с настоящим. Это искусственно сконструированное лингвоментальное пространство неосознанно воспринимается как содержательное, но в действительности его следовало бы идентифицировать как 'ничто'. «Ничто» ассоциируется со смертью, а следовательно, образования с приставкой *пост-* выступают как лингвоментальные маркеры влечения к смерти.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, морфосемантика, герменевтика, лингвоментальные структуры, влечение к смерти, поствитализм, технобытие.

Введение. Постановка проблемы

Производные русские слова с приставкой *пост-* типа *постоперационный*, *посткоммунистический* в темпоральном значении 'после' ассоциируются прежде всего с *поступательным движением* жизни / истории, которое задается ключевыми вопросами *откуда* и *куда*: 1) *откуда* – некая «точка отхода / отправления», заданная семантикой исходного слова, 2) *куда* – некая «точка прихода / прибытия», наличие которой предполагается неявной установкой сознания, что если наличествует *откуда-то*, то, значит, есть и *куда-то*. Вне поля внимания остается, что (1) наличие ясной исходной временной точки (известной, поскольку она с очевидностью наблюдается здесь-и-сейчас) совсем не обязательно предполагает (2) наличие столь же / сколько-нибудь ясной конечной точки (которая неизвестна, поскольку здесь-и-сейчас не наблюдается): зная *откуда*, мы совсем не обязательно знаем, *куда*.

Широко известен сюжет волшебных сказок, сводящийся к пространственной формуле «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Предполагается, что где-то «там» – что-то лучшее, чем «здесь». Без

© Волков В. В., Волкова Н. В., Гладилина И. В., 2025

волшебных помощников задача неразрешима, – и это «всего лишь» в пространственном измерении. Временное измерение сложнее: (1) из (известного) настоящего – нужно уйти (2) в будущее, о котором известно только то, что оно не такое, как настоящее, потому что *после* настоящего. Равно в типичном случае предполагается, что где-то «там, в будущем» – что-то лучшее, чем «здесь, в настоящем».

Как говорится, сказка ложь – да в ней намёк; вот только должный «урок» реальные «добры молодцы» часто не извлекают из простого напоминания: надейся на лучшее – готовься к худшему. Говорят сейчас: мы вступили в *постхристианскую* / *постсоветскую* / *посткоммунистическую* / *постинформационную* и т. п. эпоху. Полезно бы задаться вопросом: в чем же существо этой новой «эпохи», если о ней известно только то, что она *после* чего-то? Очевидно, что сколько-нибудь внятного содержательного ответа нет.

С лингвистической точки зрения, проблема понимания / интерпретации семантики производных на *пост-* – это проблема несоразмерности (1) сигнификативной / понятийной *ясности* содержания элемента ‘после’ и (2) полной денотативно-референциальной *неопределенности* существо содержания того, что именно составляет (в реальности) содержание этого ‘после’.

Предмет рассмотрения в данной работе – некоторые значимые для современной лингвокультуры и ментальности производные слова – неологизмы с приставкой *пост-* в их семантике (их языковые значения и лингвокультурные / лингвоментальные смыслы), **цель** – выявление и интерпретация специфических лингвокультурных и лингвоментальных содержаний новообразований с префиксом *пост-*.

Метод исследования, как и в других наших работах (в частности: [4; 6; 7]), – филологическая герменевтика, в соответствии с многовековой традицией понимаемая как «всматривание» структуру и семантику ключевых / исследуемых слов.

Существо языковой семантики производных с префиксом *пост-*

Два основных лингвоментальных представления: 1) общее представление о некоем «дальнейшем движении» в пространство будущего; 2) конкретизированное представление о «благополучном преодолении» чего-либо (неприятного, опасного и т. п.) на пути в будущее.

Русский заимствованный префикс *пост-* выступает во временном значении «совершающийся / совершившийся / наблюдающийся после того, что названо (непосредственно или опосредованно) мотивирующим», ср.: *постоперационный*, *постгриппозный*, *постинфекционный*, *пострадиационный* – ‘после *операции* / *гриппа* / *инфекции* / *радиации*’. Лингвоментальный смысл приведенных образований с *пост-* сводится

к идее «благополучного преодоления» того, что названо мотивирующим (*инфекция, операция* и т. д.). Применительно к событиям / периодам истории эта мелиоративная идея тоже просматривается, но как периферийная, а лингвоментальная семантическая доминанта соотносится с коннотативно нейтральным представлением о «дальнейшем движении от...» и с типовым словообразовательным значением «после», ср.: *постимпрессионизм, постромантический, постсталинский, постсоциалистический, постсоветский, посткоммунистический, постперестроечный (постперестройка, постперестройщик)* – ‘после романтизма / Сталина / социализма / советского периода истории / господства коммунистической идеологии / перестройки’.

Временное значение русского префикса *пост-* основывается на семантике латинского этимона, в котором отчетливо просматривается семантическое развитие «от пространственных представлений – к временным»: лат. *post* ‘сзади, позади > затем, потом, после, позже, впоследствии’. Актуализованы представления о «горизонтали» – о пути / движении / развитии не «вверх» или «вниз», а «по плоскости» (пространственной или временной); при этом на линии временного движения отмеченной является исходная точка – в семантике мотивирующего (*откуда*), тогда как содержание настоящего / будущего (текущая или конечная точка) неясно, словесно не определено. Иными словами: конкретный денотативно-референциальный (субстанциальный, сущностный) смысл того, *что* именно наступило / наступает / наступит после того, что именуется мотивирующим, в приведенных дериватах на *пост-* не просматривается. Поскольку, однако, коннотативный ореол мотивирующих связан с представлениями о чем-то «не весьма благоприятном», то итоговая эмоционально-оценочная аура дериватов с *пост-* может быть охарактеризована как «(благополучное) преодоление того трудного / неприятного, что осталось / остается / останется в прошлом».

Лингвистическая герменевтика: интерпретация семантики *пост-* ‘потом’ как «бытия-к-ничто»

В общем лингвогерменевтическом прочтении морфосемантика *пост-* ‘потом’ (= *куда?* – в неопределенное будущее) представляется как «путь в неопределенность, в “ничто”». Это танатологическое «бытие-к-смерти», где смерть осмысляется не в христианском ключе – как переход в Вечность, но сугубо секулярно, как исчезновение в Ничто. Конкретные производные на *пост-*, соотносительные с этим прочтением, прочитываются как **маркеры угасания культуры / цивилизации**.

В рамках данной тенденции базовое лингвоментальное представление – «утрата / отказ от чего-либо значимого / важного» на пути в неопределенное будущее, которое, с одной стороны, этого значимого / важ-

ного оказывается лишенным, с другой стороны, нечто иное «на замену» не предлагается. Результат – лингвоментальный «семантический вакуум» (во внелингвистической проекции – «идеологическая неопределенность / пустота»): от старого отказались, оно осталось во времени «раньше», а новое лишь декларировано в формуле «пост...» – «после того, что было».

Показательные производные, широко распространяющиеся начиная со второй половины XX века в целях характеристики каких-то (каких именно?) новых социально-политических реальностей: *постбуржуазное / постинформационное / постнефтяное общество, постколониализм, посткоммунизм* и т. д., – вплоть до *постцивилизация*, именованная с явными признаками симулякра – либо игрового «семантического фантома», либо диагноза ментального цивилизационного самоубийства.

Особое место в рамках данной тенденции занимают лексемы с отсылкой к представлениям о конце естественной, биологической жизни, конце человека и человечества, ср.: *поствитализм, постчеловек, постчеловечество, постгуманизм, постмодернизм, постгендеризм...* От этих образований веет прогностической безнадежностью: если бесприставочные *гуманизм* или *коммунизм* обещают «нечто», то добавление приставки *пост-* – не выражение ли бессилия перед беспросветностью будущего? Неспособность верно оценить настоящее и бессилие предвидеть – характерные приметы цивилизации, которая все более зависит от все менее управляемого технического прогресса. Об этом точно писали фантасты братья Стругацкие еще в 1970-80-е годы: «...какие пророки в наше время? Я не знаю ни одного. Множество лжепророков, и ни одного пророка. В наше время нельзя предвидеть будущее – это насилие над языком. Что бы вы сказали, прочитав у Шекспира: предвидеть настоящее? Разве можно предвидеть шкаф в собственной комнате?..» [22, с. 38]. За отрицанием возможности предвидения – предвидение предсмертного отчаяния, приближения / наступления, по выражениям В.А. Кутырева, «времени Мортидо», «самоубийства Homo genus» [13].

Ключевая лексема в морфосемантическом ряду с «синдромом мортидо» – существительное *поствитализм*, которое можно рассматривать как доминанту / дескриптор всего ряда / поля.

По внутренней морфемно-словообразовательной форме существительное *поствитализм* в прямом словообразовательно-семантическом калькировании (из лат. *post* ‘после’ + *vita* ‘жизнь’ + *-изм* ‘учение / идеология’) – это «идеология “послежизния”»; в расширенном прочтении: «учение о том / пропаганда того, что будет / может / должно быть *после* (обычной, привычной, естественной) биологической (и социальной? и психосоциальной? и т. д.) *жизни*».

Вопрос: какими лексемами опредмечивается конкретное содержание этого «послежизния»? Варианты ответа в современной профильной

(прежде всего философской) литературе основываются на антонимических парах *бытие – небытие (жизнь – смерть), естественное – искусственное, реальное – виртуальное, биологическое – механическое (техническое, техноэлектронное)* и др. (см. наиболее, на наш взгляд, в этом отношении показательные работы В.А. Кутырева: [12; 13]).

Основываясь на данных противопоставлениях, существо поствитализма можно характеризовать как *смерть / небытие естественного, реального, биологического*, – которое замещается *искусственным, виртуальным, механическим (техническим, техноэлектронным)*. Однословная версия результата – **технобытие**. Иными словами, *поствитализм = технобытие*. Лингвогерменевтический подход к лексеме *технобытие* (прежде всего актуализация его внутренней морфемно-словообразовательной формы) дает следующие варианты интерпретации:

1. *Технобытие* – это *бытие техники*, где человек, люди – её при-даток, то есть либо (1.1) «обслуживающий персонал» для техники, обеспечивающий ее существование, либо (1.2) «обслуживаемые (техникой) существа», наличие / существование которых служит для техники обоснованием смысла ее существования. В любом из этих вариантов человек оказывается в положении средства для *бытия техники*, – средства, которое самостоятельной целосмысленной бытийности лишено. Резюмирующее прочтение: «человек – для – техники».

2. *Технобытие* – это *бытие (человека) в технике*. В случае такой интерпретации, в отличие от предыдущего варианта, обобщающее прочтение обратное: «техника – для – человека». Пределы оптимистичности такого прочтения определяются границами целесообразности того комфорта, который обеспечивает человеку последовательно развивающаяся и совершенствующаяся техносреда.

Вопрос о границе – это вопрос о возможности существования человека в сугубо искусственной среде, «естественной» для технических (техноэлектронных) устройств, но имеющей весьма сомнительную приемлемость по отношению к человеку как биосоциодуховному существу. Человек принадлежит трем мирам: это природа (биологическое), душа (социальное) и дух, который часто понимается как сфера метапотребностей в Истине, Красоте, Цельности и др. – всё с большой буквы, – наконец, в богообщении. *Поствитализм* и смежные с ним дериваты на *пост-*, фиксирующие влечение к «послежизнию» (= смерти) редуцирует – скорее даже исключает все эти компоненты.

Что остается / останется? Цитируем В.А. Кутырева: «Глобальное же условие дальнейшего развития цивилизации – **демонтаж человека** как естественного существа, его замена рациональным робототехническим устройством. Это тайна всех пост/транс/модернистских “деконструкций” и “смертей” – субъекта, творца, автора, человека. <...> Како-

е-то время люди будут <...> паразитами. Паразитами техногенного разума. Потом погибнут. Вы(пере)родятся. Жизнь без человека. Пост-жизнь. Бессмертие как абсолютная смерть. *Технос*. Тогда будут пойманы сигналы и найдены следы других мертвых цивилизаций» [13, с. 48]. Развиваемое в данном материале лингвокогнитивное / герменевтическое всматривание в образования с префиксом *пост*- подтверждают апокалиптическую природу этого прогноза.

Лексема *постхристианство*: опыт теолингвистической интерпретации

Исходный вопрос: если прочитывать *постхристианство* как «состояние *после христианства*», то это состояние – к чему / к какой цели устремлено?

Сравним: цель *христианства* ясна из самой внутренней формы: устремленность – к *Христу*, то есть к обожению, к Царству Небесному. Поскольку «дальше» этой цели ничего нет (Царство Небесное – конечная цель земного и посмертного существования), то, следовательно, *постхристианство*, минуя эту цель, оказывается устремленным – в ничто? Или – к искусственным заменам «ничто» = к идолопоклонству в его разных формах, в том числе современных, с поклонением успеху / славе земной, плотским удовольствиям / развлечениям и т. п.

В современной религиоведческой и политологической литературе, связанной с вопросами *постхристианства* / *дехристианизации* / *секуляризации*, определения понятия «*постхристианство*» нет, что в свете сказанного выше о специфике семантики приставки *пост*- совершенно естественно. Специалисты вынужденно характеризуют феномен «*постхристианства*» описательно – без попытки строгого определения, то есть не как понятие, а как проявление диффузности религиозной составляющей общественного / индивидуального сознания, ср., например, в большой обзорной работе о так называемых «новых религиозных движениях»: «...большинство граждан подвержено фобиям, надеждам, любопытству к чему-то оккультному, стереотипам, связанным с астрологией, загробной жизнью, астральным миром, реинкарнацией, представлениями об экологических и духовных катастрофах и т. д.» [14, с. 329–330]. Такая ситуация («новые религиозные движения» вместо / «мимо» христианства) ведет к вопросу, является ли современное (российское) общество *постхристианским* – или, напротив, «*постатеистическим*» (ср.: «...поместить современную Россию в один ряд с *постхристианской Европой* невозможно. Сегодняшнее российское общество более уместно описывать в иных терминах, а именно – как общество *постатеистическое*» [15, с. 259]).

В «*постатеизме*» *постхристианство* пересекается с другим, смежным феноменом «*пост*» – с *постсекуляризмом* [21; 9; и др.]. Следовательно-

но, постсекуляризм двупланов: 1) с одной стороны, вульгарный атеизм в нашей стране остался / остаётся в прошлом, и *постсекуляризм* = *постатеизм* как совокупность мировоззренчески диффузных «новых религиозных движений»; 2) с другой стороны, христианство в его ортодоксальном – православном мироощущении лишь возвращается в самосознание народа, то есть *постсекуляризм* ≠ *постхристианство*, скорее современный *постсекуляризм* – нечто похожее на «предчувствие возвращения к (ортодоксальному) христианству». Что обуславливает осознаваемо-неосознаваемую / полуосознаваемую необходимость возвращения к (ортодоксальному) христианству? Видимо, потребность вернуться в течение исторического времени, встать над безвременьем «пост», – реализация этой потребности связана именно с христианством, которое, по словам Патриарха Кирилла, «поднимает человека над сиюминутными обстоятельствами времени, открывает грандиозную перспективу...» [16, с. 17]. В отечественной филологии ярким примером христианского возрождения является формирование (православной) теолингвистики, ассоциирующейся прежде всего с трудами В.И. Постоваловой [17; 18; и др.]. Напомним: исторически филология – это именно «теолингвистическое» знание, уже хотя бы потому, что славянская грамота – кириллица к нам пришла через святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, «учителей словенских», через язык Священного Писания и Священного Предания.

Строго говоря, с христианской точки зрения, никакого «постхристианства» как реально существующего феномена – нет, и лексема *постхристианство* – квазисиноним *идолопоклонства*. По разъяснению патриарха: «В Церкви история не умирает. <...> ...в Церкви соединяются времена. А почему? А потому что сама Церковь соединена с вечностью» [16, с. 142]. В вечности нет ни «до», ни «после». В текущем секулярном бытии-во-времени есть лишь постоянные – сквозь века – периоды «религиозного беспамятства», и в этом смысле постхристианство началось не в XX или в XXI веке, – значительно раньше, только именовалось фактическое постхристианство другими словами – без приставки *пост-*, причем словами, которые принято воспринимать в сугубо мелиоративном ключе.

Когда и с чего пошло и как развивалось фактическое постхристианство?

Показательны названия целых (парахристианских / «околохристианских») «эпох»: *Возрождение*, *Просвещение*. Спросим: в эпоху *Возрождения* происходило *возрождение* – чего? Античного язычества, из чего следует, что эпоха *Возрождения* – это движение не «вперёд», а «назад», в до-христианские времена. Аналогично: в эпоху *Просвещения* состояло *просвещение* – в чём? В нигилистически-атеистическом отказе от христианства и в поклонении Природе – с заглавной буквы, как якобы «самосотворенной», «самосубъектной». В этом смысле *Просвещение* –

дальнейший шаг – после Возрождения – по пути *возрождения / продвижения* (нео)язычества.

В небольшой книге Н. А. Бердяева «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы», вышедшей в Берлине в 1924 году и принесшей ему европейскую известность, читаем: «Скоро для всех будет поставлен вопрос о том, “прогрессивен” ли “прогресс” и не был ли он часто довольно мрачной “реакцией”, реакцией против смысла мира, против подлинных основ жизни» [2, с. 222–223]. Соглашаясь с этой точной формулировкой по существу, считаем нужным внести важное уточнение: не *будет* (у Бердяева – будущее время) поставлен вопрос о «прогрессивности» так называемого «прогресса», а *всегда этот вопрос стоял / стоит*, но в разной мере разными людьми и их сообществами осознавался.

Выражение в цитированном фрагменте Бердяева о прогрессе как направленном «против смысла мира» с очевидностью следует понимать как «против смысла христианства, единобожия». Аналогично: «подлинные основы жизни» у Бердяева – это те «основы», которые *в Духе и истине*, то есть христианство.

Современность идёт дальше отрицания христианства – в постхристианстве, а именно – идёт к отрицанию всех разумных (= находящихся вне, за пределами человеческой воли / произвола) оснований бытия. Это утверждение явствует из лингвогерменевтического прочтения таких бытующих в современном «научном» и публицистическом дискурсе характеристик состояния современной цивилизации, как *информационное > постинформационное > пост-пост-информационное* общество. Следующий шаг в лингвистическом конструировании образа «постреальности» – после отказа от Христа / богосотворенности человека и всего сущего, – в отказе от понятия «информация», далее в замене *информации – цифровой*. Утверждается, что ныне налицо даже не «постинформационное» общество (хотя спросим: как может существовать общество, в котором информация обратилась в ничто?), а *цифровое общество*. Но если нет информации (= знаний, разума), тогда нет и человечества. Действительно, в бытующей ныне лексеме *постчеловечество* прочитывается именно этот смысл.

Так от (лингвистического / языкового) отрицания Христа / христианства в *постхристианстве* вершится движение к отрицанию (самоотрицанию?) существования человека – в *постчеловечестве* (подробнее см., например: [5]).

Филологическая герменевтика: интерпретация семантики *пост-* ‘потом’ как «возвращения»

В мудрейшей Книге читаем: «Суета сует, сказал Екклесиат, суета сует, – все суета» (Еккл 1: 2). Почему? Потому что всё повторяется, воз-

вращаясь на круги своя: «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, – и Бог воззовет прошедшее» (Еккл 3: 15). Как мы показали выше, возрождение / возвращение (к) античности в эпоху Возрождения каузировало начало отказа от христианства, а ныне в нашей стране – обратный процесс *просвещения*, в разных прочтениях семантики существительного *свет*, а именно – от «просвещённого» мирского постхристианства к возвращению надмирного света православия: от *света* (научного) знания, ассоциирующегося с эпохой *Просвещения*, – к *свету* внутреннего духовного вѣдения, пришедшего к нам с началом новой – христианской эры две тысячи лет назад.

«Пост» энантиосемически превращается в «прото», кажущееся завершение христианства оборачивается его возвращением. Однако происходит это не вдруг, а постепенно, зачастую – подспудно, ускользая от недоброжелательного взгляда.

Показателен для нашей страны в плане ухода от (ортодоксально-го) христианства и последующего возвращения к нему – изоморфизм / изоморфность – сходство судьбы отдельного человека и целого народа, органичной частью которого этот человек является. По формулировке Н. А. Бердяева: «Существует единство в царстве духа» [1, с. 201] (единство личности и народа); в современной секулярной трактовке – это взаимосвязь «изоморфных ресурсов личности и социума» [10]). Аналогия в пояснение: как в капле воды – состав и структура целого океана с его солями и микроорганизмами, так и в судьбе отдельного человека могут проявляться черты исторической судьбы всего народа / страны, – если только, разумеется, этот человек действительно всем своим существом подобен / изоморфен целому.

Имеем в виду, с одной стороны, личную / творческую судьбу А. С. Пушкина, с другой – судьбу России. По знаменитой формуле Аполлона Григорьева «Пушкин – наше всё» (статья 1859 года «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина»), в творческой судьбе Пушкина не только отражение, но и пророчество о пути нашей цивилизации. Прочитируем подробнее: «А Пушкин – наше все: Пушкин — представитель всего нашего *душевного, особенного*, такого, что остается нашим *душевым, особенным* после всех столкновений с чужим, с другими мирами» [8, с. 166]. В контексте нашей темы это «*душевное, особенное*» усматривается в *возвращении* к православной традиции: в истории нашей страны последних двух веков – от атеизма к религиозному возрождению, у Пушкина – от молодого вольнодумного ёрничества вроде «Гавриилиады» – к зрелому творческому самоотречению, что наиболее наглядно в заключительной строфе финального самоотчёта в «Памятнике»:

«Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;

Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца».

Специально отметим: заключительная строфа в 10-томном Собрании сочинений Пушкина включает лексему *божию* – со строчной буквы, тогда как на следующей странице того же издания, в факсимильном воспроизведении пушкинской рукописи, лексема *Божию* – с заглавной буквы [19, с. 385–386].

Заметим: и в тексте современного Гимна нашей страны в сходном контексте – тоже заглавная буква:

«Одна ты на свете! Одна ты такая –
Хранимая Богом родная земля!» [11, с. 61].

Как мы уже отмечали ранее в теолингвистическом анализе текста нашего Гимна, в этих строчках – «извечное стремление к живому ощущению Божьего присутствия, к смиренному соработничеству с вышними силами» [6, с. 112], что радикально отличает современную цивилизационную ситуацию нашей страны не только от XX-го, но и от двигавшегося по пути богоборческого «просвещения» XIX века.

Публицистически ярко Пушкин декларирует отказ от вольнодумства молодости в незавершенной статье «О ничтожестве литературы русской» (1834): «Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена против господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов...» [20, с. 365]. Личный духовный опыт Пушкина, по словам русского религиозного философа С.Л. Франка (1877–1950) в его статье «Религиозность Пушкина», «должен был уже рано привести Пушкина к ощущению ложности “просветительства” и рационалистического атеизма» [23, с. 15]. Так и духовный опыт нашей православной цивилизации ведет теперь к преодолению атеистического «постхристианства» советского периода нашей истории.

Заметим еще: в своей ранней работе «Этическая проблема в свете философского идеализма», опубликованной в сборнике «Проблемы идеализма» (1902), Н.А. Бердяев, рассматривая вопрос о соотношении индивидуального (личностного) и универсального развития (прогресса культуры), писал, что эти два пути в конечной идеальной своей цели сходятся: «Индивидуальная жажда совершенства, осуществления духовного “я”, что и составляет сущность нравственной проблемы, утоляется беспредельным индивидуальным развитием, упирающимся в духовное бессмертие, и беспредельным универсальным развитием, т. е. прогрессом культуры» [3, с. 141]. Культура не существует отдельно от человека, народа и человечества, ее развитие вершится через отдельных людей, и с неизбежностью этапы развития культуры оказываются сходны с этапами человеческой жизни.

Заключение

По словам известного булгаковского персонажа, разруха сидит не в клозетах, а в головах, и «взрываю» – в широком смысле разрушения / созидания – в технических конструкциях, истории или культуре народов всегда предшествуют ментальные изменения «в головах». А поскольку такие изменения проявляются в особенностях функционирования языка, в том числе в появлении новых или в семантических изменениях «старых» слов, то любые «взрывы» в мире людей и жизни человеческих сообществ оказываются опосредованным объектом лингвистики.

Биофилия и *некрофилия* – так предельно компактно вслед за Эрихом Фроммом характеризуют в гуманистике противонаправленные ориентации как отдельного человека, так и целых народов и цивилизаций, с одной стороны, на любовь к живому и созидание, с другой стороны, на любовь к мертвому, на сознательную или (чаще) бессознательную устремленность к (само)разрушению и смерти. Синонимичные именованья в психоанализе – *либидо* и *мортидо*, с которыми соотносятся соответственно древнегреческий бог любви и созидания *Эрос* и его антиподы – бог смерти *Танатос* и его брат-близнец *Гипнос*, божество сна и забвения.

В русских образованиях с приставкой *пост-*, число которых на протяжении XX–XXI веков постоянно расширяется, отчетливо просматриваются обе эти (лингво)ментальные ориентации, – а в параллель к ним и соотносительные тенденции социально-психологического и социально-исторического развития.

В заключение – поэтическая цитата: «Словом можно убить, словом можно спасти, / Словом можно полки за собой повести», – писал В. С. Шефнер, поэт и фронтовой корреспондент. Куда ведут современные неологизмы на *пост-* типа *поствитализм*? По христианской сотериологии – к спасению? В секулярной трактовке – по пути всесозидающего Эроса, ведающего поступательным движением жизни, истории? Едва ли. Скорее, пробуждая *мортидо*, повергая к стопам древнего языческого бога Гипноса, – толкают к забвению (само)созидательного человеческого призывания, а значит – к смерти.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). Москва: Книга, 1991. 446 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. Москва: Канон+, 2017. 448 с.
3. Бердяев Н. А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма (1902). Москва: Модест Колеров, 2018. С. 113–164.

4. Волков В. В. О фазовых переходах в лингвоконцептосфере (художественное, политическое и религиозное сознание) // Функционирование языка в социуме, тексте, индивидуальном сознании: коллективная монография / под общ. ред. А. А. Залевской. Тверь: Тверской государственный университет, 2018. С. 72–88.
5. Волков В. В. «Цифра», постчеловек и киборги: лингвистический и лингвоментальный аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 11. С. 31–39.
6. Волков В. В., Волкова Н. В., Гладилина И. В. Теолингвистические компоненты в секулярных именовании особенностей русского менталитета и российской государственности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 1(68). С. 105–114.
7. Волков В. В., Волкова Н. В., Тогоева С. И. Лингвокогнитивная игра как средство манипулятивного программирования (на материале приставок *интер-* и *транс-*) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 3. С. 62–69.
8. Григорьев А. А. Литературная критика. Москва: Художественная литература, 1967. 632 с.
9. Инговатов В. Ю. Постсекуляризм как концепт «новой интерпретации» ценностного бытия человека // Теология. Философия. Право. 2018. № 3(7). С. 42–52.
10. Карнышев А. Д., Карнышева О. А. Психогенетические истоки изоморфных ресурсов личности и социума и особенности их проявления в разных этнокультурных установках // Сибирский психологический журнал. 2017. № 63. С. 61–74.
11. Конституция Российской Федерации (с поправками от 14.03.2020 г.). Федеральные конституционные законы. Москва: Мартин, 2020. 64 с.
12. Кутырёв В. А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. 526 с.
13. Кутырёв В. А. Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. 300 с.
14. Лункин Р. Н. Новые религиозные движения в России: христианство и постхристианство в зеркале новых богов и пророков // Двадцать лет религиозной свободы в России. Москва: Политическая энциклопедия, 2009. С. 329–394.
15. Малахов В., Летняков Д. Постхристианское или постатеистическое общество? Некоторые особенности российского режима секулярности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39(1). С. 245–266.
16. Патриарх Кирилл. Мысли на каждый день года. Москва: Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2017. 280 с.
17. Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм. Москва: Ленанд, 2022. 272 с.

18. Постовалова В. И. Язык и миропонимание : Опыт лингвофилософской интерпретации. Москва : Ленанд, 2018. 312 с.
19. Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2. Москва : Художественная литература, 1974. 688 с.
20. Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 6. Москва : Художественная литература, 1974. 508 с.
21. Радугин А. А., Радугина О. А. Постсекуляризм как мировоззренческая матрица общества постмодерна // Омский научный вестник. 2014. № 3(129). С. 85–88.
22. Стругацкие А. Н., Б. Н. Хромая судьба. Хищные вещи века: фантастические повести. Москва : Книга, 1990. 480 с.
23. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. Paris : YMCA-press, 1987. 128 с.

**POST-CHRISTIANITY AND OTHER NEOLOGISMS
IN THE POST- AS LINGUISTIC MARKERS:
THE EXTINCTION OF CULTURE OR A RETURN
TO THE ROOTS?**

V. V. Volkov, N. V. Volkova, I. V. Gladilina

Tver State University, Tver

A number of Russian lexical complexes with prefix *post-* reveal a hidden manipulative attitude, which aims at forming semantic sphere, based on morpho-semes ‘across / through’ and ‘after’, with the former’s further transformation into a notion of a certain space existing without any connection with the present. This artificially constructed linguoamental space is implicitly suggested to be perceived as bearing some significance, while in reality it can be identified with ‘nothingness’. “Nothingness” is associated with death, and therefore lexical complexes with prefix *post-* act as linguoamental markers of the attraction to death.

Keywords: *cognitive linguistics, morpho-semantics, hermeneutics, linguoamental structures, attraction to death, postvitalism, techno-being.*

Об авторах:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Volkov.VV@tversu.ru.

ВОЛКОВА Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Volkova.NV@tversu.ru.

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Gladilina.IV@tversu.ru.

About the authors:

VOLKOV Valery Vyacheslavovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Volkov.VV@tversu.ru.

VOLKOVA Natalya Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Volkova.NV@tversu.ru.

GLADILINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: Gladilina.IV@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.02.2025 г.

Дата подписания в печать: 14.03.2025 г.